

Нина Зверева

Прямой эфир

В кадре и за кадром

Москва

2012

УДК 7.097
ББК 76.032
3-43

Редактор Елена Чудинова

Зверева Н.

3-43   Прямой эфир: В кадре и за кадром / Нина Зверева;
Альпина нон-фикшн, 2012. — 239 с. + 16 с. вкл.

ISBN 978-5-91671-194-3

История успеха? Книга о профессии? Учебник журналистики? И то, и другое, и третье. Доверительно, искренне и весело рассказывает известная журналистка Нина Зверева о невероятных поворотах судьбы, необыкновенных встречах, общении с коллегами, об интервью с политиками и звездами, о превратностях профессии и неизменной любви к делу и людям. Ей было всего восемь лет, когда она выбрала свою судьбу — и телевидение, и любимого человека. На всю жизнь. Но не бывает побед без промахов, похвал без критики, наград без провалов. Особенно в прямом эфире, который дарит минуты высшего счастья, но не прощает ошибок. А прямой эфир — это и есть настоящее телевидение!

УДК 7.097
ББК 76.032

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-194-3

© Н. Зверева, 2012
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2012

Содержание

Обращение к читателям	5
Как меня нашли на улице	7
Первая любовь	12
Письма Блока	15
Первое задание	24
Тетя Зина	29
«Факел»	37
Сагалаев	43
Запрещенные сюжеты	52
Новый год по-соседски	61
Как мы с Немцовым агитировали	65
Михаил Сладков	70
Первый ученик	77
Как мы покупали камеру	81
Неудачные интервью	86
Без ретуши	92
Ульяновские помидоры	96

Лебедев времен Шахуньи	101
Как меня обули в Германии	109
Клинтон	113
Бабушка и икона	116
Арафат	126
Мой первый доллар	130
Визит Ее Величества	134
Прямой эфир.	140
Визиты Ельцина	147
Сахаров в Горьком	154
Пусть вошь погуляет!	163
Басмановы.	167
Командировка в Чечню	174
Первый орден	178
Поездка к Вайлю	183
Участие в выборах губернатора	188
Манана.	192
Премия ТЭФИ	198
«Жаворонок».	205
Гайдар и Чубайс	209
Акопов и «Амедиа»	214
«Потерянная жизнь»	224
Вдохновение	231
Дети и работа	234

Обращение к читателям

Прямой эфир — это и есть настоящее телевидение! Кураж и удивительное ощущение разговора с огромной аудиторией, где каждый зритель находится в своем доме, но все они переживают одинаковые эмоции в один и тот же момент!

Впервые я испытала этот восторг и этот страх в возрасте восьми лет, а потом долго и успешно работала в прямом эфире местного и федерального ТВ.

Последние двадцать лет я учитель и тренер, и мне это очень нравится!

Эта книга — неформальный учебник журналистики через конкретный личный опыт конкретного человека. Здесь собраны разные истории из моей журналистской жизни. Конечно, интервью с Арафатом или общение напрямую с королевой Нидерландов — огромная удача, но поверьте, приемные дети Галины и Анатолия Басмановых и эпопея с ба-

бушкой Ниной Васильевной и ее иконой для меня не менее ценные и дорогие воспоминания.

Наша жизнь — это тоже своего рода прямой эфир, который дарит радостные минуты счастья и не прощает ошибок. В этой книге много смешного и грустного.

Я хочу выразить благодарность моим родителям, Нелли Матвеевне и Виталию Анатольевичу Зверевым, которые всю жизнь (и до сегодняшнего дня!) балуют меня вниманием, нежностью, любовью. Без этого позитивного мощного заряда вряд ли я смогла бы жить так, как живу.

Мне повезло с мужем, так как мы совпадаем во взглядах на этот мир и являемся большими друзьями. Не случайно он стал одним из героев этой книги. У нас прекрасные дети и внуки, мы с ними дорожим каждой секундой нашего общения.

Мне повезло и с командой центра «Практика», людьми надежными, умными и терпеливыми. Мне повезло с другом-оператором, это большая удача!

В последние годы мои ученики — это не только журналисты, но и те люди, которым приходится общаться с журналистами (бизнесмены, топ-менеджеры, чиновники, политики).

Спасибо всем вам — за то, что не позволяете расслабиться и помогаете держать себя в форме!

И еще одна искренняя благодарность — нижегородским журналистам, моим коллегам Наталье Юдиной, Роману Алейнику и Бэле Рубинштейн за поддержку этой книги и чуткое отношение к авторскому тексту.

Как меня нашли на улице

В одном интервью для глянцевого журнала я когда-то опрометчиво сказала, что выбрала профессию уже в восемь лет, и это *редкий* случай.

Теперь я понимаю, что сказала глупость, потому что большое количество людей выбирает профессию (или профессия выбирает их) в самом раннем возрасте, и моя история скорее подтверждает это правило, чем ломает какие-то каноны.

Итак, май 1960 года. В это время мы с мальчишками (девчонок в нашей компании практически не было) бегали за майскими жуками вокруг собственного дома и близлежащих домов. У нас были сачки для ловли бабочек, и мы размахивали ими, иногда специально ловили друг друга, и мне приходилось быть быстрой и внимательной, потому что мальчишки с удовольствием ловили меня сачком, а мне это совсем не нравилось. В кулаке у меня был зажат спичечный коробок, в котором шуршали пой-

манные жуки, — и это было так радостно и так интересно.

Впереди лето, а значит, Волга и палатки, рыбалка и костер, а потом мы обязательно поедим на юг, где наша мама купит столько фруктов, что мы с братом уже не сможем на них смотреть!

Именно в момент подобных радостных размышлений я уткнулась головой во что-то теплое и круглое. Кто-то держал меня за косичку. На меня смотрели добрые, веселые, умные и лукавые глаза дяденьки, который не только не стеснялся своего круглого животика, но радостно посмеялся вместе со мной над этим казусом. А потом, не отпуская косички, спросил: откуда я такая лихая девчонка, и что я тут делаю? Я показала жуков, сачок и махнула в сторону своих друзей. Дядя Миша (он церемонно представился именно так) тоже махнул рукой куда-то в сторону и сказал, что он работает вон на той вышке, которая называется телевизионной, и ему для нового спектакля очень нужна бойкая черноволосая девочка с толстой косичкой, как у меня.

Я сразу в ответ сообщила ему все сведения, которыми обладала: кто у меня папа и мама, где я живу, а самое главное — мы совсем недавно купили телевизор, и он на весь дом один, поэтому к нам каждый вечер приходит целая толпа, и мама уже не рада новой покупке. Интерес дяди Миши стал еще сильнее. Он уточнил мою родословную и номер квартиры и даже что-то записал в блокнот. А потом сказал мне, что завтра после школы ждет меня в молодежной редакции «Факел» и вполне возможно, что я смогу получить главную роль в его новом спектакле.

Вечером я прожужжала все уши родителям про дядю Мишу, телевидение и спектакль, но они отнеслись к моему рассказу не слишком серьезно, хотя разрешили мне пойти на студию телевидения (телестудия была в нескольких кварталах от нашего дома). На одном конце улицы Белинского был наш дом, посередине улицы — моя школа, а в конце улицы — телевизионная студия и высокая вышка, которую хорошо было видно из нашего окна.

Телевидение в Нижнем появилось в 1957 году. В ту пору сигнал из Москвы еще не поступал в регионы, поэтому конец 50-х стал золотым временем расцвета местного ТВ. На телевидение пришли люди творческие и яркие из числа тех, кто хотел воплощать свои самые разнообразные идеи и таланты. Таким был Михаил Мараш, который работал в театре актером, а на ТВ стал режиссером, автором и ведущим потрясающих по выдумке и красоте программ для детей и молодежи. Таким был Владимир Близначев — романтик и поэт, который уже после местного университета поступил на сценарный факультет ВГИКа и блестяще закончил его.

Рогнеда Шабарова, Маргарита Гончарова, Нина Рощина, Олег Лунев, Наталья Скворцова, Наталья Дроздова — всех не перечислишь. Именно эти люди стали моими учителями и наставниками, и многих из них я долгое время звала дядя Миша, дядя Володя, тетя Рона.

Первый приход на телестудию был чрезвычайно неудачным. Дело в том, что меня никто не ждал. Дядя Миша был уверен, что я приду с родителями, которые предварительно ему позвонят. Но в нашей семье был

культ самостоятельности: ни мне, ни родителям даже не пришла в голову мысль о совместном походе на телевидение.

Строгий вахтер преградил мне путь. Я уговаривала его, потом заплакала, но уходить не собиралась. На помощь ко мне никто не спешил. Тогда я попросту прошмыгнула в открытую дверь проходной и побежала изо всех сил по коридору главного здания. Вахтер побежал за мной, выкрикивая всякие угрозы.

Так мы и бегали друг за другом по зданию, причём я вопила: «Дядя Миша!» а вахтер кричал: «Девочка, вернись!» Тут же нашлись люди, которые отвели меня к Марашу. Он долго хохотал и извинялся перед вахтером. Потом он повел меня в студию, и я впервые увидела огромный павильон с декорациями, жаркими световыми лампами и пугающими жуками-камерами с толстыми хвостами проводов.

Я трогала деревья, сделанные из картона, шурилась на сильный свет. Сердце мое трепетало от счастья. Меня попросили что-то сказать, потом попрыгать через скакалку, — я делала все, что мне велели, и уже понимала, что хочу остаться здесь навсегда.

Только потом — намного позже — я узнала, что дядя Миша столкнулся со мной на улице как раз после кастинга, который он проводил в соседней школе среди девочек — учениц 2–3 классов. Он выбрал 5 девочек, и все они торжественно пришли с мамами как раз за 2 часа до моего «налета» на телецентр. Одна из них вроде бы даже получила приглашение на съемку на следующий день, но мой энтузиазм и битва с вахтером произвели на Мараша неизгладимое впечатление. Тем более что роль,

которую мне предстояло сыграть, предполагала буйный темперамент и чрезвычайную самостоятельность. Согласно роли, главная героиня украла деньги у родителей и пошла покупать все то, чего была лишена: конфеты, игрушки, новые наряды. Это был спектакль в защиту детей, которые имеют право на внимание со стороны родителей. Забавно, что следующей проблемой после утверждения на роль стало мое равнодушие ко всем этим радостям жизни, потому что мои собственные родители растили нас с братом в атмосфере баловства, заботы и полного доверия.

Пять лет подряд я радостно демонстрировала школьным учителям записки от дяди Миши с просьбой отпустить меня на съемки. Я вела программы, участвовала в конкурсах, снималась в кино. Меня даже узнавали на улицах.

И вдруг однажды телефон замолчал, а на экране появилась другая девочка — новая прима молодежной редакции. Я вступила в период «гадкого утенка», и мне тут же нашли замену. Я до сих пор помню, как выглядела та девочка, как плавно она двигалась, как красиво лежала на плече ее толстая коса. Степень моего отчаяния была по-детски безграничной, но общий оптимизм и радостный характер шептали на ухо: «Ничего, я еще вернусь, я им докажу, я буду работать на телевидении».

Забавно, что именно так и случилось.

Первая любовь

Страшно писать на эту тему: лучшие строки всех писателей и поэтов всех времен и народов уже написаны — именно о ней, о первой любви. Уже написано, как оглушительно стучит сердце, как нестерпимо ноет в груди, как хочется обнять мир или, наоборот, умереть тотчас же. Уже написано про счастье и про несчастье первой любви, и даже про то, что это чувство вполне сопоставимо с болезнью. Что можно прибавить? Только свою историю.

Я влюбилась, когда мне было двенадцать лет, и я вовсе не была к этому готова. Пришла из школы — веселая девчонка с косичками, отличница, любимая дочь любящих родителей, любимая сестра любящего брата. Мой брат старше меня на два с половиной года, его друзья — потенциальные женихи, выбирай на любой вкус. Торчат у нас дома целый день, играют в шахматы, готовят уроки, подкалывают друг друга — мои родители умудрялись всех привечать. В тот вечер парней было особенно много — они готовили школьный КВН. Я пришла домой, когда обсуждение шло бурно,

мальчики спорили, сердились. Мама на кухне, улыбаясь воплям из комнаты, готовила ужин, и я немедленно была взята ею в плен в качестве помощницы. Мы быстро нажарили котлеты, я одернула школьную форму, взяла в руки первый попавшийся учебник (он оказался по алгебре) и шагнула в комнату. Никто не обратил на меня внимания. «А у меня задачка не получается!» — сообщила я громко. Мне пришлось эту фразу повторять раз пять, просительно и чуть не плача. Среагировал самый маленький, однако именно он оказался капитаном команды КВН. Он смешно встряхивал челку и упирался руками в бока, чуть откинувшись назад. Он толково объяснил мне решение задачи, которую я знала наизусть. И что-то случилось. Мама сердилась, что я не помогаю накрывать на стол, но увидев мое возбуждение, сразу сказала: «Что, выбрала себе жениха?» И я ответила: «Да. Он капитан команды КВН, и он добрый». Мама слегка удивилась, так как в этой компании были настоящие красавцы, рослые, широкоплечие. Однако после паузы вполне серьезно сказала: «Хороший выбор. Если выходить замуж — то за него».

Однако мой «жених» не воспринимал меня всерьез: три года разницы в таком возрасте — целая пропасть! Я испытала всю горечь несчастной первой любви. Оказалось, что страдать я умею «на полную катушку»: выбегала из трамвая, когда видела похожую полосатую курточку, писала стихи и рвала их, придумывала нелепые поводы, чтобы затащить его в гости. Это был хороший мальчик, он мучился и стеснялся моего чувства. Апогей страданий наступил, когда он получил путевку в «Орленок» и там...

влюбился. Я слышала, как мой брат обсуждает с друзьями эту новость.

А потом случилось счастье: моя мудрая мама организовала поход на байдарках с участием всей компании парней и единственной девушки, то есть меня. Я, как любая настрадавшаяся девчонка, добилась всего: сожалений и признаний, комплиментов и подарков, поцелуев и провожаний. И успокоилась, стала обращать внимание на других мальчиков... Короче, чуть не потеряла свою Любовь. Но вовремя опомнилась, слава Богу.

В этом году мы будем праздновать сорок один год со дня свадьбы, у нас трое детей и четыре внучки. И мы до сих пор не надоели друг другу.

Письма Блока

В семье, в которой мне посчастливилось родиться, то и дело возникали невероятные события. Каждое было особенным, но частота появления невероятных событий явно превышала норму. Никогда такого не было, и вот опять! Кажется, именно так однажды выразился Виктор Черномырдин. История с письмами Блока именно из этой серии.

Мой отец был не только единственным ребенком у своих родителей, но и единственным любимым племянником у тети Зои и дяди Левы, а это были необычные люди. Тетя Зоя закончила Бестужевские курсы в Петрограде, преподавала в нижегородском педагогическом институте и была знаменита как интеллектуалка и мудрая советчица.

Она водила дружбу с известными личностями в Москве, Ленинграде, Горьком. Дядя Лева носил фамилию Поливанов, он был сыном основателя московской Поливановской гимназии, где сидел за одной партией с будущим чемпионом мира по шахматам Алехиным.

Всю жизнь он преподавал высшую математику в Горьковском политехническом институте, но мог преподавать и игру на фортепиано, так как посещал курсы в Московской консерватории и играл прекрасно. Он оказался в Горьком исключительно из-за сумасшедшей любви к женщине, которая была на двадцать лет старше его. До последнего своего дня он любил ее и говорил только о ней. Зоя Владимировна Зверева умерла в 1956 году, мне было только четыре года, но я прекрасно помню, как мы с братом боялись ее, особенно когда во время традиционного семейного обеда она басом говорила: «Дети, под стол!»

Может быть, это была шутка, но мы пугались и реально залезали под стол, хотя наша смелая мама пыталась отстоять наше право на свободное поведение.

Сама мама тоже ходила к тете Зое со страхом и позднее рассказывала мне, что тысячу раз давала себе клятву не отвечать на ее жесткие вопросы, но как будто попадала под гипноз и рассказывала все как на исповеди, а потом пугалась и мучилась.

Дядя Лева пережил свою жену на десять лет и каждый день носил цветы на ее могилу. Иногда он заглядывал к нам на обед, приносил шоколадки, но казался совсем другим человеком, что-то в нем навсегда погасло. Он отказывался садиться за инструмент — к великому нашему огорчению. После смерти дяди Левы какие-то странные женщины, которые ухаживали за ним в последние годы, растащили все ценности — картины, книги, драгоценности.

Мои родители никогда не претендовали на наследство и даже не думали об этом.

И все же папе досталась папка с документами и фотографиями, он сразу отдал ее маме, а мама положила в книжный шкаф, на самую нижнюю полку.

Так бы она там и лежала до сих пор, но однажды мама решила устроить генеральную уборку и провозгласила: «Разбираем каждую папку!»

Это случилось в начале лета 1971 года. Мама обнаружила в дяди-Левинной папке какие-то странные пожелтевшие письма, написанные размашистым красивым почерком. Мама прочитала подпись под одним письмом и громко крикнула:

— Нина, срочно иди сюда! Тут для тебя богатство!

Я полетела из кухни в комнату и увидела маму, которая сидела на полу, а вокруг были старые письма. Мы рассмотрели бумагу одного из писем на свет и увидели особые водяные знаки. И красивую подпись под каждым листком: «Преданный Вам Александр Блок». То есть это настоящие письма Блока! Того самого поэта Александра Блока, стихи которого я знала наизусть и очень любила!

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив...

Мама посмотрела мне в глаза и совершенно серьезно сказала:

— Ну вот. Теперь хотя бы понятно, почему ты пошла на филологический!

Дело в том, что в нашей семье все были физиками: отец, мама, брат, муж (мне было 19 лет, но я уже

была замужем), но я пошла в гуманитарный вуз, хотя способности к математике и физике у меня всегда были весьма высокими. Я окончила физико-математическую школу с хорошими оценками, но никогда не хотела идти на радиофак или что-нибудь в этом роде. Папа предлагал институт иностранных языков, но мне хотелось туда, где книги, литература, русский язык, — в общем, филологический, и точка!

Далее события стали развиваться с невероятной скоростью. Мама успела рассказать о своей находке всего двум подругам, но уже на следующий день в нашей квартире звенел не переставая телефон — все требовали письма Блока! Звонили строгим голосом из разных газет, журналов и даже уважаемого академического издания «Литературное наследие». Нам объясняли, что эти письма являются всенародным достоянием и надо их немедленно отдать в государственный архив. В некотором смятении я сложила письма в какой-то пакет и пошла советоваться с нашим профессором русской литературы Георгием Васильевичем Красновым. Он пришел сначала в полный восторг, а потом пришел в ярость — как только увидел, как небрежно хранятся письма в моем портфеле. Он приподнимал их пинцетом, а между письмами положил тонкую папиросную бумагу. Затем он строго-настрого наказал мне не общаться ни с кем по телефону, а доверить все переговоры ему одному.

Уже наутро нам позвонили из «Литературной газеты» и сразу сослались на профессора Краснова. Звонила Алла Латынина — редактор рубрики «Архив ЛГ». Она хотела поговорить именно со мной, и я дрожала от страха и нетерпения.

Алла Николаевна спросила:

— Сколько вам лет?

Я гордо ответила:

— Девятнадцать.

Далее она поинтересовалась, на каком курсе я учусь, и выяснила, что я только что окончила первый курс.

Следующий вопрос не застал меня врасплох:

— Как вы оцениваете значение этих писем?

Я сообщила, что уже написала целую статью про Блока и Зою Звереву, где привела самые интересные выдержки из писем.

Алла Николаевна взбодрилась и спросила:

— Сколько у вас получилось?

Этот вопрос тоже не заставил меня долго думать, не менее гордо я ответила:

— Шесть листов!

И тут трубка испуганно затихла. Это было так неожиданно и страшно, что я перестала дышать. Но через паузу вежливый спокойный голос кандидата философских наук Аллы Латыниной (кстати, мамы известной журналистки Юлии Латыниной) уточнил:

— Ниночка, вы имеете в виду печатные листы или листы, напечатанные на машинке?

Я понятия не имела, что такое «печатный лист», и только по приезде в Москву узнала, что это 24 обычные страницы машинописного текста. Было от чего удивиться! Далее все было как во сне: я надела самый красивый мамин трикотажный костюм, сделала прическу, села на поезд, приехала, попала под дождь, долго искала здание «Литературки» на Цветном бульваре, нашла, сообщила каждому встречному о том,

что у меня в сумке настоящие письма Блока, после чего одним из сотрудников редакции была отконвоирована в кабинет Аллы Николаевны.

Он привел меня и сказал:

— Алла, тут к тебе приехала милая девушка из провинции.

Улыбнулся — и скрылся.

Алла Латынина напоила меня чаем и даже хотела накормить, но у меня именно в этот день начался страшный токсикоз — я была беременна первым ребенком, поэтому с испугом отказывалась от еды.

Мне казался сумасшедшим тот мир, в который я попала, — у Аллы Николаевны в кабинете сидела подруга и ныла о том, что за ней ухаживает Евгений Евтушенко, но он ей так надоел, так надоел... Я знала все стихи Евтушенко наизусть и готова была бежать на его концерт на край земли. Фифа в кабинете разбила мои иллюзии в один миг, почему-то я ей сразу поверила. В зеркале я видела свое отражение — мокрая курица в костюме с чужого плеча, да еще и с токсикозом.

Но уже на следующее утро мир стал другим — Алла Латынина мудро руководила моими поездками по Москве, я познакомилась с Андреем Турковым, побывала в архиве, где нашлись письма Зои Зверевой к Блоку, и переписка, как говорят, воссоединилась.

Я уже бегом пересекала Цветной бульвар и наслаждалась общением с сотрудниками легендарной «Литературки», они тоже меня приняли в качестве «дочери полка» и, кажется, давно догадались, почему я пролетала мимо буфета на шестом этаже с видом

мученицы. Когда материал был готов, Алла Латынина спросила меня, на какой гонорар я рассчитываю. Мысль о том, что мне еще и заплатят за такую невероятную поездку, меня потрясла. Я что-то промямлила и стала ждать выхода газеты.

Моя статья занимала целый разворот, на котором были фотографии Зои Владимировны, и Александра Блока и даже вступление от имени «Архива ЛГ», в котором Алла Латынина рассказывала об истории находки и немного обо мне как о новом авторе.

Самым интересным в переписке поэта и бестужевки был тот факт, что Блок помогал через Зою Звереву политическим заключенным. Не менее важным оказалось подробное описание трагических событий, связанных со смертью младенца, которого родила Любовь Дмитриевна Менделеева. Блок признал этого ребенка, но судьба распорядилась иначе: он сам похоронил этого мальчика через тринадцать дней после рождения.

Помните его: «Когда под заступом холодным...» Это стихотворение было написано в тот же день, когда Блок написал Зверевой подряд несколько писем. Считалось, что он никому не писал в это тяжелое время. Оказалось, ей он доверял по-настоящему. Он даже на своей визитке написал: «Уважаемая Зоя Владимировна! Я не застал Вас сейчас, и очень жалею об этом, потому что есть вещи, которые я могу рассказать только Вам...» Блоковеды, с которыми я познакомилась в Москве и в Питере (туда я ездила на встречу с Владимиром Орловым), в один голос уверяли меня, что эта дружба — единственная в своем роде, так как у Блока было много любовниц,

а вот женщины-друга в его жизни не было. Оказалось, была такая женщина. Ай да двоюродная моя бабушка!

Публикация, да еще такая объемная, сделала меня абсолютно счастливой. Но самое главное случилось через три дня — мне позвонил Владимир Блинецов из редакции «Факел» Горьковского телевидения и пригласил рассказать о находке в прямом эфире. Я слушала голос, знакомый с детства, и не знала, что сказать. К тому же мой животик уже округлился, и я стеснялась показаться в эфире в таком виде.

Но Блинецов настаивал, и я пошла на студию. Пропуск был заказан, меня ждали. В редакции, как и всегда, было полно людей, все суетились, разговаривали одновременно. Но когда я вошла, наступило молчание, и вдруг Мараш тихо спросил:

— Нинка?

И уже более уверенно:

— Ты — Нинка Зверева?

Я только кивнула. Далее все хором говорили о том, что я должна написать сценарий сама, что я должна проявить свою телевизионную детскую закалку, меня щупали, спрашивали о муже, о родителях, об учебе. Потом, насытившись, все вернулись к своим делам, а мудрый Блинецов стал заново учить меня телевизионной науке.

В прямом эфире вместо положенных 15 минут я проговорила целых 45 минут, то есть заняла все эфирное время, два других сюжета пришлось снять с эфира.

Но это был настоящий успех. После эфира ко мне подошли операторы, звукорежиссер и его ассистенты,

технические работники. Все поздравляли, хвалили, говорили, что у меня особый дар телеведущей.

Я с трепетом ждала, когда с высокого пульта в студию спустятся Близнецов и Шабарова — мои телевизионные «родители». Они не были так эмоциональны, пожурили меня за многословность, и все же произнесли заветные слова:

— Ты — наша, Нина. Ты должна быть в эфире!

А еще через неделю мне по почте пришел баснословный гонорар с поздравительной запиской от Аллы Латыниной.

Так Зоя Владимировна Зверева властной рукой вмешалась в мою жизнь и повернула ее в нужную сторону.

Первое задание

Несмотря на то, что работать на телевидении я начала еще в восемь лет, попасть в штат после окончания нижегородского университета было достаточно сложно. Во-первых, вакансии случались чрезвычайно редко, а в молодежной редакции «Факел», в которую я стремилась попасть и где вроде были не против меня взять, каждый человек работал годами, и никто не собирался уходить. Вне штата в качестве автора или приглашенной ведущей — пожалуйста. А вот в штат — это совсем другой вопрос.

Вторым барьером была я сама по себе, как неподходящий для идеологической работы субъект. Во-первых, женщина (предпочтение отдавалось мужчинам, и до сих пор так же). Во-вторых, мать двоих маленьких детей, то есть будут больничные и бесконечные отлучки домой. В-третьих, моя непонятная национальность (мама у меня еврейка, папа — русский). Прибавьте сюда мою абсолютную беспартийность и искренность, которая смущала серьезных людей, а особенно руководителей советского телевидения.

Я могла в прямом эфире студенческой программы «Потенциал» сообщить что-нибудь положительное про за границу или возмутиться тем фактом, что студентов вместо учебы посылают на картошку.

Опасно брать на работу такого человека. Но мне повезло. Во-первых, совершенно неожиданно освободилось место редактора молодежных программ, так как Валентина Арюкова безумно влюбилась в режиссера и уехала с ним на Север от всех соперниц. Во-вторых, за меня ходатайствовала могущественная Рогнеда Шабарова, которая была одним из родоначальников Горьковского ТВ, а к 1975 году, когда я окончила университет, уже работала директором Горьковского телевидения. Спустя много лет я узнала, сколько порогов ей пришлось обить в обкоме партии и в других инстанциях, чтобы доказать мое право на профессию.

И вот 30 сентября 1975 года, невзирая на мамину мечту об аспирантуре, с красным дипломом наперевес я шагнула в любимую редакцию «Факел» уже как равная. У меня появился стол, телефон и первое задание. Оно было ужасным! Была такая программа, которая называлась «Молодежный меридиан». Это была хорошая советская комсомольско-партийная пропаганда во славу ударников коммунистического труда. Мне поручили поехать на ударную комсомольскую стройку в город Богородск. Там, в 100 километрах от Нижнего, при помощи ударных комсомольских бригад строился новый завод хромовых кож.

Так сложилось в моей жизни, что я никогда не была ни на заводах, ни на стройках и плохо отличала рожь

от пшеницы. Университетский дом, компания интеллектуалов, из увлечений — туризм, альпинизм, книги, поэзия. В общем, другая жизнь. Мне выделили хорошего кинооператора Виктора Тернового, и мы поехали на «козлике» (так называли ГАЗ-69, это была самая распространенная машина на Горьковском телевидении). Именно тогда я усвоила правильную привычку по дороге на съемки заправлять машину бензином, а оператора пивом. А для себя — обязательная остановка около районного универмага, где по недосмотру сельских покупателей иногда можно было купить интересные импортные вещи.

Часа через два мы прибыли на стройку, где нас никто не ждал. В результате я поступила грамотно. То есть начала отражать действительность именно такой, какой ее обнаружила. Я не знала, что принято найти главного начальника и взять его в гиды. К начальнику я пришла потом, после окончания съемок с одним-единственным вопросом: почему стройка называется ударной комсомольской, если за три часа съемок мы не обнаружили ни одного человека моложе 40 лет? Начальник занервничал и наутро позвонил в редакцию.

Затем меня водили к Шабаровой, и даже к великому Громову (председателю Комитета по телевидению и радиовещанию). Мое по-детски наивное удивление по поводу статуса стройки и тех реальных событий, которые я запечатлела на камеру, вызвали у Громова неожиданную реакцию — он разрешил выпустить программу в эфир практически без изменений. До сих пор не знаю, советовался ли он со своими кураторами из обкома партии или взял и рискнул,

но я вышла в прямой эфир и в своем стиле радостно-искреннего монолога поведала зрителю о великом обмане и странных делах, которые творятся в Богородске. У меня были документальные съемки с курящими полупьяными и очень взрослыми людьми (как позднее выяснилось, это были зэки, находящиеся на «химии».) Представляю, как им было весело отвечать на мои вопросы про комсомольский энтузиазм. Сам завод меня тоже поразил и размахом, и полным невниманием к здоровью и безопасности рабочих. Завод хромовых кож — это настоящий химический комбинат, вредное и тяжелое производство.

Если говорить серьезно, я увидела жизнь с той стороны, о существовании которой не предполагала. После эфира было странное затишье. Меня никто не поздравлял и большинство глядели на меня как на человека, которого то ли сегодня, то ли завтра обязательно уволят. Все понимали, что смелость программы обусловлена наивностью и неопытностью. Но случилось чудо — «телезрители» из обкома партии не только одобрили программу, но и провели специальное совещание с использованием моего материала и лишили стройку статуса ударной и комсомольской.

Надо признать, что в течение последующих лет мне редко удавалось сделать что-то подобное. Я рассказывала о хороших людях, и только спустя три года подготовила проблемную программу «Круглый стол вокруг станка», которая опять же неожиданно для автора и для редакции стала событием на Всесоюзном фестивале молодежных программ (заняла второе место).

Теперь, с высоты прожитых лет, я понимаю, что первая вылазка на Богородский завод стала замечательным учебным пособием для меня самой и той планкой, к которой я потом сама тянулась — с переменным успехом.

Тетя Зина

На самом деле никакая она мне не тетя. Она сама, смеясь, представляла меня своим друзьям и говорила:

— Это моя племянница, — и далее после паузы добавляла с улыбкой: — племянница по подруге.

Мои родители познакомились с тетей Зиной и ее подругой тетей Шурой во время удивительного путешествия по Енисею — от Красноярска до острова Диксон. Был такой маршрут в советские времена. Ходили по нему всего два теплохода, и билеты стоили очень дорого. Но интеллигенция (прежде всего питерская и московская) готова была платить деньги, чтобы увидеть Красноярские Столбы, Дудинку и вечную мерзлоту, город Норильск и проплыть по Северному Ледовитому океану до Диксона. А если повезет, то можно было застать настоящее полярное сияние (это была мечта моей мамы!).

Мне было в ту пору 10 лет, моему брату 12. Из детей только мы с братом были на трехпалубном теплоходе «Александр Матросов», потому что детский билет продавался по цене взрослого. Я до сих пор

помню, с каким трепетом и смущением мама произносила это словосочетание: «тысяча рублей». Именно столько стоили наши путевки на четверых, а зарабатывал в семье в основном папа, и, значит, надо было целый год откладывать и экономить. Но это был стиль нашей семьи — копить на путешествия, потому что родители были уверены, что именно впечатления от красоты окружающего мира — главная ценность прожитой жизни. А поскольку без нас они путешествовать не хотели, им легче было заплатить.

Тетя Зина была к тому времени доктором наук, известным химиком. Ей было чуть больше сорока, а тете Шуре, физику-теоретику, кандидату наук, также коренной москвичке — около пятидесяти (в молодости она была женой того самого Аджубея, который затем был зятем Хрущева).

Моя мама всю жизнь тянулась к интересным людям и готова была отдать все что угодно за яркое общение. Это был именно такой случай.

Москвички Зина и Шура были самодостаточны, слегка высокомерны и первые несколько дней не обращали внимания на нашу веселую семейку. Тем более что обе были бездетны, и шумные дети их, конечно, раздражали.

А потом они неожиданно сошлись с моими родителями на почве любви к фотографии. Прямо около теплохода во льдах ныряли нерпы и тюлени. Мой папа ловко успевал зафиксировать усатые морды с рыбой в зубах, а москвички никак не поспевали. Было столько хохота и восторга. Постепенно нас стало шестеро.